

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М91

Мусяенко, Вячеслав Бориславович.

М91 Три цвета белой собаки / Вячеслав Мусяенко. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-101842-9

Марк — успешный банкир, которому можно только позавидовать, вдруг понимает, что его жизнь начинает рушиться. Его съедает страх — страх возраста, страх за совершенные в прошлом ошибки, страх стремительно приближающейся катастрофы. Вдобавок на банк, в котором Марк работает, посыпались серьезные проблемы, и похоже, что это дело рук кого-то из близких. Когда становится понятно, что это тупик, Марк отправляется в сельскую глубинку, в родовое гнездо, и там вдруг у него открывается удивительная способность изменять свое прошлое, исправляя все то, что сегодня мучает его и убивает как личность...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мусяенко В.Б., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101842-9

Посвящается моим любимым:
маме Валентине, папе Бориславу, ба-
бушкам Домникии и Ксении (они не
разговаривали друг с другом), дедуш-
кам Ивану и Фёдору (его я никогда
не видел) и тете Авроре (она стесня-
лась своего поэтического имени)

ПРОЛОГ

Сегодня она уселась мне на грудь раньше, чем обычно. Дебелая, с упругими мускулистыми ногами и неправдоподобно, вызывающе торчащей грудью с сосками цвета какао, она садилась, крепко обхватывала мою грудную клетку своим наглым телом — и меня накрывала паника. Сердце моментально пускалось биться в ребра — словно пыталось прорваться наверх, туда, где нависала душная влажная плоть; во рту пересыхало; я пытался сбросить чудовищную гостью, но руки проваливались, хватали вместо ее ягодич пустоту — и это было еще кошмарней, хотя, казалось, ужас достиг пика секунды назад.

Она всегда молчала; молчал и я — но мое молчание было вынужденным, это было безмолвие зомби: сколько я ни тщился, не мог извлечь ни звука, мой высохший шершавый рот словно растрескивался и переставал меня слушаться. А вскоре я обнаруживал, что меня не слушаются не только губы, но и руки, и ноги — я лежал, совершенно парализованный, и лишь толстые женские ляжки тисками сжимали мою грудь.

Уже полгода, как она ко мне приходила. Обычно в одно и то же время — с четырех до полпятого утра. То через день, то давала мне передышку в пару

недель, и я думал, что избавился от кошмара, и даже забывал о нем, и пару раз даже просыпался в *то самое время*, лежал с бьющимся сердцем, сжимая в руках айфон (включить фонарик? позвонить? зайти в Фейсбук? Не соображал, что собираюсь сделать, однако не шевелился, ждал, обмирая), и с облегчением смеялся, когда страшное время проходило и ничего не случилось.

А потом все повторялось. Я пробовал спать с включенным светом, но заснуть никак не удавалось, и дурацкая повязка на глаза не спасала, лишь ухудшала положение, заставляя меня комплексовать и думать, что становлюсь законченным невротиком с галлюцинациями, к тому же скудными.

Я никогда не видел ее лица. Только чувствовал ее тяжесть, ее силу, ее беспощадное беззвучное насилие над моей сущностью — в том, что это насилие, сомнений не было. По моим ребрам стекали капли — была ли то ее влага или мой пот, не знаю. Как только я пробовал поднять взгляд выше ее шеи, меня словно что-то останавливало, не пускало.

Сколько это длилось? Мне казалось — вечность, однако, когда я обретал возможность двигаться и вскакивал, всхлипывая от ужаса, с кровати, никого не было, а часы показывали около пяти утра. Я уже не мог заснуть, открывал настежь окна, хватал ртом прохладный воздух, оглядываясь на смятую постель: неужели приснилось? Неужели сон может быть столь реалистичным и таким однообразным?

Когда я, мучаясь неловкостью, рассказал о *ней* своему знакомому психиатру, тот попробовал меня успокоить, заявив, что у меня сонный паралич — явление хоть и неприятное, но неопасное. Что мне надо, наконец, отдохнуть как следует. Правильно питаться.

ТРИ ЦВЕТА БЕЛОЙ СОБАКИ

Меньше пить. А для начала — вот успокоительное, вот снотворное, вот витамины, это поможет.

Не помогло. Я чувствую, я знаю: это не сонный паралич.

Сегодня она пришла раньше, чем обычно. И захватила меня в тиски сильнее, чем прежде. Я попытался поднять глаза и рассмотреть ее, но не смог шевельнуться. Впервые за эти мучительные полгода я, кроме ужаса, испытал ярость. Я был так измотан страхом и непониманием происходящего, что впал в какую-то осатанелость. «Чего ты хочешь?! — беззвучно кричал я. — Кто ты и зачем меня мучаешь?! Кто бы ты ни была, я увижу твое лицо. Я посмотрю тебе в глаза».

Когда я смог пошевелиться, обнаружил, что мычу — а мне казалось, что кричал. Перевел взгляд на свое тело, надавил на ключицы — отозвалось болью. Ломило грудь, саднило в горле, я тяжело дышал. Внезапно пришла страшная мысль: сегодня она намеревалась меня задушить! От этой догадки бросило в жар, мгновение спустя я затрясся от ледяного холода. Шаткой походкой, ударяясь о стены, побрел на кухню, налил стакан воды и залпом выпил, отметив, как сильно трясутся руки.

Надо уехать. Хотя бы на пару дней. Если она снова придет, я сойду с ума.

Но странное дело: я вдруг осознал, что буду ждать ее следующего визита. К обычной панике и подавленности сегодня примешалось что-то новое. Злость и любопытство. Я хочу понять, кто она такая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С тех пор, как мы с Аней выпили по бокалу шампанского за наш развод и разъехались по разным домам, я перестал планировать поездки загодя. Легкий на подъем, я и раньше был готов сорваться в дорогу после второй чашки послеобеденного ристретто — взбудораженный кофеином и волнующей перспективой оказаться через пару часов в другом городе, с другими людьми, улицами, запахами, звуками и вкусами. Органолептика в этом моем спонтанном путешествии менялась так, что нередко появлялось ощущение другой реальности — словно я приезжал в другое измерение, где светило чужое солнце и время текло по-иному. Эта щекочущее воображение иллюзия обычно возникала, когда я проводил за рулем часов шесть-восемь без остановок, ни о чем не думая, часто даже не включая музыку. А если еще дорога была более-менее спокойной, я быстро впадал в приятный транс и мчался, свободный от всех обязательств, по шоссе, которое я называл анизотропным с легкой руки жены (мы с ней оба любили Стругацких).

Аня раздражалась. «Снова тебя тянет на анизотропное шоссе?» — бросала ядовито, не веря, что мне

ТРИ ЦВЕТА БЕЛОЙ СОБАКИ

вдруг позарез нужно повидаться со школьным другом или уехать на переговоры с деловым партнером. И правильно не верила: в последний момент я сочинял причины, по которым мне нужно срочно уехать, понимая, что выйти за дверь без объяснений будет хамством, а Аня этого не заслуживала. Не знаю, подразумевала ли она то, что я каждый раз могу не вернуться (иначе к чему бы эта метафора — анизотропное шоссе?), думала ли, что еду кувыркаться с любовницей, страдала ли. Она никогда не проверяла, где я, с кем я, за что я ей буду благодарен до конца жизни. «Почему анизотропное? — однажды спросил я. — Ведь у Стругацких оно ведет в прошлое». — «Потому что однажды ты вернешься совсем другим человеком», — загадочно ответила жена, и я счел этот пассаж красивой банальностью. А образ анизотропного шоссе, ведущего только в одну сторону, мне очень понравился.

Анины подозрения насчет моих вояжей были безосновательными. Я срывался в свои короткие, на два-три дня, путешествия совершенно один и не искал в других городах плотских утех. Меня манила сама возможность взять и изменить привычный порядок вещей, оказаться в новых обстоятельствах. Я возвращался домой как после спа-процедур, лимфодренажа и детокса: свежий, подтянутый, с легкостью в теле и мыслях. Наверняка Аня думала, что я был с женщинами. Но — не спрашивала. Только отстранялась, когда я наклонялся поцеловать ее за ухом, и презрительно хмыкала, когда я от полноты чувств принимался подпевать песенке из радио.

Чтобы избежать эффекта спонтанности, который обижал жену и наводил ее на мысли о моих изменах, я стал планировать поездки — говорил Ане, что через неделю, скорее всего, уеду на переговоры. «Куда?» —

интересовалась жена, и я называл город, а потом наступал момент отъезда, и я понимал, что хочу уехать в другое место, и менял маршрут, и чувствовал себя нашкодившим подростком. Эта необходимость — заранее сообщить жене, затем уехать именно в этот день, и тайная смена маршрута — все это снижало градус радости, замусоривало чистоту ощущения иной реальности.

Если честно, подозрения жены не были беспочвенными. В моей жизни были другие женщины. Но я не соврал: я никогда не ездил с любовницами в эти медитативные автомобильные поездки. Летал за границу — да. Встречался в люксовых отелях и в мастерских знакомых художников — да. Но в машине, несущейся по анизотропному шоссе, я всегда был один.

* * *

С Аней мы учились в одном классе престижной киевской школы на Печерске. Отцы наши работали на ответственных должностях в ЦК Компартии Украины и были в товарищеских отношениях. Мама моя была ведущим специалистом по газодобыче, Анина — художница. Этим можно объяснить фанатичное увлечение жены искусством: еще с малых лет она вырезала из журнала «Огонек» фото картин знаменитых живописцев. Моя мама хотела, чтобы я стал знаменитым физиком, но с точными науками я не дружил, сплошные тройки по физике, математике, химии. Зато по истории, географии, английскому был отличник. У Ани все ровно было — получила золотую медаль.

Мы много общались вне школы: родители брали нас, когда шли друг к другу в гости. Особенно нас сблизила любовь к чтению, Аня так вообще близору-

кость заработала, читая по ночам с фонариком. Нам было интересно вместе: обсуждали прочитанные книги, ходили в кино, театры, музеи. Вместе готовились к поступлению в университет на цековской даче. Естественно, подготовка эта перешла в юношеский секс, столь же страстный, сколь и неумелый.

Аня — высокая, стройная, зеленые глаза, длинные темные волосы — привлекала внимание парней, и ее привлекательность усиливалась высоким положением отца.

Я тоже отличался ростом — 190 см, но из-за этого сутулился, что существенно портило внешность. Только с годами тренеры по фитнесу, массажисты, подруги объяснили, что таким ростом нужно гордиться.

Аня влюбилась в меня еще лет в двенадцать, я это увидел не сразу, после того как друзья посоветовали обратить внимание. Было лестно. Жизнь в одной среде, семейная интеллигентность, общие интересы, первый секс — все это привело к раннему браку. Мы поженились, когда нам было по 22. Университет, аспирантуры, защиты диссертаций, научно-преподавательская деятельность — все понятно и размеренно, даже слишком. Родилась дочка Лиза, а родители все еще нам помогали.

Украина обрела независимость, а с ней и я. Пригодились деловые связи, накопленные в зарубежных командировках. Хорошо пошел бизнес по импорту овощей и фруктов. Позднее с появлением капитала увлекся банковским делом. К счастью, мне не пришлось, как другим «научным» людям, ломать себя и заниматься делами, противоречащими и натуре, и желаниям, — оказалось, у меня есть неплохие ресурсы для успешной адаптации к новой жизни. А самое главное — я, в отличие от большинства интел-

лигентов, пекущихся больше о духовном, нежели о материальном, всегда хотел хорошо зарабатывать. И знал — как.

Еще в конце 80-х, когда я стал кандидатом наук, чтение лекций приносило мне 1000 рублей в месяц — очень хорошие деньги. Позже стал использовать свои знакомства за рубежом — мой английский позволял вести переговоры напрямую. Помимо импорта овощей-фруктов стал заниматься перегонкой иномарок из-за рубежа в Украину, что тоже приносило неплохие деньги.

Первое шикарное «буржуазное» приобретение — японский кондиционер. Мы жили на девятом этаже, летом мучила жара, а кондиционер стоил 1000 долларов — неслыханные деньги. И мы его купили — пожалуй, это был первый штрих на нашей картине «Качество жизни».

Бизнес требовал перевода денег за рубеж, появились первые коммерческие банки, и мы с партнерами стали предоставлять банковские услуги. Снова мнегодились мои ресурсы: экономическое образование, связи молодого ученого с зарубежными компаниями, свободный английский.

Валютные операции — дело столь же нервное, сколь и прибыльное. Никогда не забуду свой первый крупный заработок — 100 тысяч долларов за ночь. Новичкам везет, с тех пор подобная удача улыбалась редко. Я и потом зарабатывал большие деньги, но чтобы за ночь — ошеломительную сумму, такое случилось еще дважды. В ту ночь мы так нервничали (ведь тщательно выстроенная цепь могла разрушиться в любую минуту), что не сомкнули глаз, лихорадочно названивали друг другу, в глубине души умоляя все мыслимые

и немыслимые силы, чтобы фортуна не отвернулась. И когда стало ясно, что заработок — вот он, в кармане, реальный, никуда уже не денется, я испытал эйфорию невероятного накала. Никогда и нигде больше я не испытывал столь упоительного ощущения — ни в работе, ни в путешествиях, ни в застольях. Только в любви, только несколько раз и с разными женщинами.

У Ани были свои удовольствия. Когда Лиза подросла, жена смогла развивать свое хобби: создала арт-салон, собрала неплохую собственную коллекцию живописи. Она обожала ездить на аукционы «Сотбис» и «Кристис». Мы много летали, Лондон, Париж, Вена привлекали ее в первую очередь. Статусные города со статусными достопримечательностями и магазинами, все понятно и предсказуемо. Как многолетний супружеский секс: опробованные позы, ожидаемые реакции. 10 лет общих оргазмов — это достойный результат, но этого мало. И мы оба это чувствовали, восполняя дефицит новизны путешествиями и шопингом, причем шопинг был не блажью, а необходимостью.

Девяностые — время, когда нужно было прилично выглядеть и статусно одеваться, если хочешь делать бизнес и заводить контакты, в том числе международные. Словарный запас пополнился непривычным для советского уха понятием *dress code*. Это когда вы уже достаточно богаты, чтобы носить костюмы *Cherutti*, *Boss* и даже *Vgoni*, но не настолько, чтобы приходить на важные встречи в джинсах и в водолазке, как Стив Джобс.

Мне такие правила игры доставляли удовольствие. Я любил стильно одеваться, и дорогие вещи отлично на мне сидели — не так, как на «малиновых пиджаках», что седло на корове. Спасибо маме — она и сама стремилась хорошо одеваться, и мне с детства прививала вкус к качественным красивым вещам.